

среди представителей германской политической элиты разных поколений. Вывод о том, что отношения с Россией неизбежно будут пересмотрены, немецкие исследователи сформулировали еще во время предвыборной кампании 2005 г., в ходе которой А. Меркель неоднократно подвергала критике именно этот аспект внешней политики Г. Шрёдера. Обвинения касались как лоббирования личных интересов при одобрении строительства газопровода «Северный поток», так и отсутствия критического подхода к оценке отношений с президентом В. В. Путиным. В результате уже сама смена правительства в Германии стала фактором, осложнившим германо-российские отношения. Тем не менее, вплоть до возвращения В. В. Путина на пост президента России в марте 2012 г. руководство ФРГ все же стремилось учитывать российские интересы в Восточной Европе, отказавшись поддержать желание Грузии и Украины стать членами НАТО. Одновременно оно усиливало критику особенностей внутривнутриполитического развития России. Новый этап в политике ФРГ в регионе наступил в марте 2012 г. после избрания В. В. Путина на третий срок, которое было расценено германской элитой как свидетельство отказа российского руководства от курса на сближение с Западом и перехода к мобилизационной модели развития. И, наконец, началом третьего этапа, который характеризуется значительным ухудшением германо-российских отношений и продолжается по настоящее время, немецкие исследователи считают присоединение Крыма к России в марте 2014 г. и последовавшие за ним европейские санкции.

Для *белорусских* ученых отправными точками, которые определили характер политики правительства А. Меркель в регионе, являются прежде всего ключевые события в рамках двухсторонних отношений. Так, одним из наиболее важных из них называется участие руководства двух стран в урегулировании конфликта на Донбассе. Визит в Беларусь А. Меркель в феврале 2015 г. для участия в переговорах в «нормандском формате» помог активизировать политический диалог с ФРГ, который находился в замороженном состоянии на протяжении десяти лет, и способствовал отмене европейских санкций против Беларуси в феврале 2016 г.

В заключение необходимо подчеркнуть, что различные критерии для периодизации политики ФРГ свидетельствуют о постепенном размывании понятия «постсоветское пространство» в представлении как политических элит, так и академического сообщества Германии и стран данного региона. Это обстоятельство позволяет также утверждать, что, по крайней мере, в 2014—2016 гг. речь уже может идти не о постсоветском векторе внешней политики ФРГ, а об отдельной внешнеполитической линии правительства А. Меркель в отношении каждого из государств региона.

ГЛОБАЛЬНАЯ ДИПЛОМАТИЯ И СТРАНЫ СНГ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА XXI в.: ИНТЕГРАЦИОННОЕ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Циватый В. Г., Дипломатическая академия Украины при МИД Украины

В современном мире, который особенно сейчас подвержен постоянным интеграционным и дезинтеграционным процессам, возрастает роль дипломатии и, соответственно — меняется оценка действенности ее инструментария. Дипло-

матия приобретает статус глобальной дипломатии. Эволюция международных и дипломатических систем в глобальном и региональном пространстве XXI в. существенно влияет на формы, методы и функции дипломатии в социуме. Глобальная история, современная глобалистика и глобальная дипломатия — все эти составляющие институционализируются в глобальную дипломатическую или политико-дипломатическую систему, которая постоянно эволюционирует в ответ на новые вызовы и угрозы современности.

Мы видим, что современный мир вошел в фазу драматических изменений и контрастов международной, региональной и национальной безопасности. Перед политической элитой и экспертным сообществом государств СНГ, и прежде всего перед Украиной и Республикой Беларусь, сегодня стоит задача прийти к единому пониманию содержания, целей и возможностей «мягкой силы» публичной дипломатии. На следующем этапе нужно будет выработать на основе этого общего понимания комплексную стратегию публичной дипломатии СНГ, адаптировать существующие и создать новые институты публичной дипломатии, а также системы оценки эффективности нового тренда XXI столетия. Современные глобальные тенденции свидетельствуют о повышении актуальности гуманитарного измерения внешней политики, публичная дипломатия и ее «мягкая сила» становится все более весомым фактором международной жизни большинства государств современного мира и регулятором политико-дипломатических конфликтов.

В начале XXI в. усилилась роль и значение публичной дипломатии в глобализирующемся мире. В дипломатических ведомствах все больше говорят и пишут о необходимости активизации общественной, или публичной дипломатии. Приоритетным заданием должно стать эффективное использование ресурсов публичной дипломатии с целью повышения результативности внешнеполитической деятельности государства. В условиях изменившейся за последние десятилетия геополитической картины мира под влиянием разноплановых глобальных процессов и проблем международной, региональной и национальной безопасности, тематика публичной дипломатии как важнейшего дополнительного инструмента достижения внешнеполитических целей государства обретает особую актуальность. В современном мире многократно возросло количество игроков-акторов, участвующих в международном интеграционном и дезинтеграционном общении. В этих условиях публичная дипломатия становится важным внешнеполитическим ресурсом, одной из наиболее динамичных сфер мировой политики. Публичная дипломатия — инструмент долгосрочного действия, создающий благоприятный климат для внешней политики, дипломатии и международной безопасности (конференционная дипломатия).

Система международных отношений XXI в. все отчетливее приобретает черты полицентричности. Полицентричный мир и полицентричная система межгосударственных координат — это реалии и неизбежность сегодняшнего политико-дипломатического диалога. Полицентричный мир, утверждающийся на наших глазах, становится уникальным продуктом беспрецедентной стадии глобализации, которую она достигла к настоящему времени. Принципиальное отличие многополярности от «концертов» исторического прошлого заключается в том, что, во-первых, мир прекращает быть не только европоцентричным, но

и евроатлантическим. Впервые в истории практически на всех континентах планеты появились или появляются державы с трансрегиональными амбициями. Во-вторых, степень влияния на ход региональных и мировых дел зависит уже не столько от принуждения, сколько от привлекательности той или иной модели развития, а также от различного рода инструментов «мягкой силы». В-третьих, во второй половине XX в. возник феномен современного международного права, фундаментом которого является Устав ООН. До сих пор он играет роль главного мерил легитимности действий государств на мировой арене, своего рода смирительной рубашкой, сковывающей намерения тех, кто хотел бы действовать, не взирая на рамки общепринятых правил. Пугать многополярностью под предлогом того, что это якобы возрождение баланса сил XIX в. безосновательно по обозначенным выше причинам. Впрочем, если бы даже это и было так, предотвратить объективные процессы мирового развития невозможно. Необходимо стремиться скорректировать их, направить в максимально позитивное русло, но не делать вид, что их можно игнорировать. Ссылаясь на то, что полицентричный мир намного сложнее для управления и менее предсказуем, чем мир двухполюсный или, тем более, однополюсный, также не способствует решению проблемы. Все государства постсоветского пространства на сегодня в глобализирующемся мире становятся объектами глобальной дипломатии и субъектами полицентричной системы международных отношений.

Таким образом, в новых политико-дипломатических условиях многосторонняя дипломатия требует постоянного обновления форм и методов своей дипломатической деятельности, опирающихся на новый дипломатический инструментарий. Глобальные политические процессы (интеграционные и дезинтеграционные) и глобальная дипломатия XXI в. — тенденция современного глобализированного мира.

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Челядинский А. А., Белорусский государственный университет

Автору данного материала не хотелось бы останавливаться на современных трех западных теориях интеграции — школах функционализма, федерализма и транснационализма. Они существенно отличаются друг от друга, но их объединяет стремление свести феномен интеграции к необходимости учета объективных и субъективных предпосылок интеграции. Если этих предпосылок нет, то, несмотря на обилие в лексиконе политиков слов «дружба», «братство», «сотрудничество» и др. интеграции в принципе быть не может. Будут всего лишь нормальные политические, экономические и иные отношения.

О каких же условиях идет речь?

1. Предпосылки, к которым необходимо отнести высокий уровень социально-экономического, правового и политического развития, влияющий на степень зрелости интегрирующихся субъектов; общность проблем, стоящих перед странами в области развития и сотрудничества; демонстрационный эффект, когда в результате процесса происходят положительные сдвиги, влияющие на общественные